

«Саша, привет!»
по роману Д. Данилова
(инсценировка А. Терёхина)

Сцена 1

Саша. Non decederis supra mortis. Не умри раньше смерти.

Девушка офисной внешности. (*Серёже*) Мы можем начинать?

Серёжа. Да, конечно.

Девушка офисной внешности садится за компьютер, вводит информацию. На большом экране появляются строки, они дублируются механическим произношением.

Голос. Именем Российской Республики... Московский окружной уголовный суд... рассмотрев... Фролов Сергей Петрович, 16 апреля 1985 года рождения, место рождения – город Москва, проживающего... старший преподаватель Московского государственного университета современного искусства и культуры... установил: Фролов Сергей Петрович... находясь... будучи... вступил в сексуальные взаимоотношения с лицом, не достигшим совершеннолетия... двадцати одного года... Мещерской Илоной Викторовной, 28 декабря 2004 года рождения... на добровольной основе... без применения насилия... по предварительному сговору... с согласия потерпевшей... свою вину признал... показал, что... показала, что... вину обвиняемого не признала... по месту работы характеризуется положительно... по месту жительства характеризуется положительно... не имел... нет... нет... рассмотрено ходатайство потерпевшей... ходатайство потерпевшей отклонено... рассмотрев материалы дела, Московский окружной уголовный суд... именем Российской Республики... приговорил Фролова Сергея Петровича, 16 апреля 1985 года рождения, место рождения – город Москва, проживающего... [дальше ещё много слов, которые могут слипнуться в сплошной серый комок, это хорошо делается средствами кино] к высшей мере наказания – смертной казни. Приговор может быть обжалован в течение десяти дней в суде кассационной инстанции.

Саша. Жизнь — это смертельное заболевание, передающееся половым путем. Так иронизировал Кшиштоф Занусси. Иными словами в тот самый момент, когда человек рождается на свет, он неизменно движется к смерти. Увы! Naes est veritas vitae! Такова правда жизни! Человек смертен, как и любое другое существо на земле. Но так же правда в том, что именно осознание собственной конечности делает человека человеком.

Точнее, несогласие с этим. Пушкин, Шекспир, Архимед, Платон, Гомер, Моцарт. Все они творили, потому что были так или иначе не согласны со смертью. На разном уровне сознания и подсознания они пытались

продлить себя через искусство, науку, архитектуру. Человеку свойственно спорить с природой. В этом его главная загадка и главное проклятье. Он знает, что проиграет, но все равно вступает в спор. Это ли не удивительно?

Сцена 2

Сереза. И что дальше?

Девушка офисной внешности. Что?

Сереза. Что мне делать дальше?

Девушка офисной внешности. Так. В общем, на Комбинате сейчас есть слоты на 20, 22 и 28 мая. Надо будет в один из этих дней туда подъехать на собеседование и оформление.

Сереза. Собеседование?

Девушка офисной внешности. Да. Потом они сами уже назовут дату заселения.

Сереза. Заселения?

Девушка офисной внешности. Заселения. Вам нормально? Сможете?

Сереза. Ну... да, могу.

Девушка офисной внешности. В какой день?

Сереза. Ну, давайте 20-го, чтобы не откладывать.

Девушка офисной внешности. Тоже верно. Тогда я вас записываю. Но это не очень строго. Если не сможете, позвоните по телефону. Вот по этому. В общем, если не будете успевать, звоните им и договаривайтесь о переносе даты. Но сильно не откладывайте. Не затягивайте.

Сереза. То есть можно, в принципе, затянуть? Отложить?

Девушка офисной внешности. В принципе, нет, нельзя. Просто стараемся идти навстречу. Мало ли, человеку доделать какие-то дела нужно, съездить к родным и так далее. Мало ли что. Мы понимаем, идём навстречу. Но затягивать не надо. *(Звонит телефон)* Извините. Алло! Да! Да! Я сейчас не могу, у меня человек. Человек у меня. Я тебе говорила, что у нас СК сегодня. Эс-Ка! *(Серезе)* Извините!

Сереза. Да ничего.

Девушка офисной внешности. *(В трубку)* Да, купила. Два билета. Там ол инклюзив. Я тебе сейчас отправлю фотографии и документы. Проверь пожалуйста. Перезвони потом.

(Серезе) Простите еще раз. Короче, на 20-е вас записываю. В буклете адрес, телефон, имейл, вся информация. В общем, я должна сейчас вас проинформировать по процедуре. Но не знаю, надо или нет? Сейчас все и так всё сами знают. Знаете, как всё будет?

Сереза. Ну, так, в общих чертах.

Девушка офисной внешности. Ну, давайте я в двух словах... *(Звонит телефон)* Алло. Проверил? Ага. Как тебе номер? Я взяла с видом на море.

Да! Две недели! Хватило! Там пляж в двух минутах от отеля. Кондиционер? Блин. Я не спросила. Сейчас спрошу у них. Ну, да. Но лучше спросить. Я им позвоню сейчас. Давай.

Лю! *(Серее)* Простите. Короче. Ну, в общем, я должна вас проинформировать. Как приговорённого. Вы, конечно, знаете, что у нас в стране в порядке национального проекта гуманизации правоохранительной системы введена смертная казнь за ряд преступлений. В том числе вот по вашей части тоже. Смертная казнь максимально гуманизирована. Ну, я не буду долго.

Серее. Ну а почему. Расскажите подробно. Мне, знаете, интересно.

Девушка офисной внешности. Алло! Подробно вам на Комбинате расскажут. Алло! Здравствуйте.

Серее. На комбинате?

Девушка офисной внешности. Да. Секундочку. Алло. Девушка, здравствуйте. Я у вас сегодня путевку в Сочи брала. На две недели. Помните? Да! Я забыла спросить. Есть ли кондиционер в номере? Да! Будьте добры, пожалуйста, уточните! Спасибо! Я подожду! На чем я остановилась?

Серее. На комбинате!

Девушка офисной внешности. Да. Смертная казнь у нас теперь максимально гуманизирована. Короче, сделано всё так, чтобы не было вот этих казней, как раньше, с палачами и всем вот этим. Чтобы никто не был убийцей. В общем, вы заселитесь на Комбинат, и вас каждый день будут выводить на прогулку, на одной из прогулок сработает автоматический пулемёт и расстреляет вас. Алло!? Да. Слушаю! Так! Так! Ага!

Ой, девушка, а что же делать? А есть другой номер с кондиционером? Узнайте пожалуйста! Спасибо. Я подожду. Извините.

Сергей. Ничего. Так что там с пулеметом, который меня расстреляет?

Девушка офисной внешности. Пулемет. Да! В одну из прогулок он вас расстреляет. Может сработать на пятый день, может через тридцать лет. Как повезёт. Условия там хорошие, будете жить как в гостинице. Может, даже лучше. Там хоть кондиционер есть. Алло! Да. Так! Поняла. А других вариантов совсем нет? Жаль. Хорошо. Я перезвоню вам. Мне с мужем надо посоветоваться. *(Кладет трубку)* Ну что ж. Я вас проинструктировала. Подпишите вот тут. *(Серее подписывает)* Отлично. Сергей ...

Серее. Петрович!

Девушка офисной внешности. Сергей Петрович, апелляцию будете подавать?

Серее. Да нет.

Девушка офисной внешности. Правильно, я считаю. Против машины-то не попрёшь. Чего время тратить. Ну хорошо, отлично. Смотрите, вот это вам, не потеряйте ничего. А это у нас остаётся. Алло! Привет! В

общем, там такая история. Сергей Петрович, тут забыли подписать. Да. В общем, там либо номер с кондиционером, но с видом на стену, либо без кондиционера, но с видом на море. Третьего не дано. Ну, вот так! А я что могу сделать?! Как-то так! Ну вот не начинай только. Извините! Погоди секунду. Сергей. Вы не переживайте, Сергей Петрович! Сейчас это не страшно.

Сережа. Спасибо, обнадѐжили меня.

Девушка офисной внешности. Ну правда, не расстраивайтесь. Во всѐм нужно искать хорошие стороны.

Сережа. Какие на хрен хорошие стороны?

Девушка офисной внешности. Сергей Петрович...

Сережа. Извините. До свидания, спасибо.

Девушка офисной внешности. До свидания, Сергей Петрович! Хороших вам выходных!

Сережа. Да, спасибо, и вам тоже. Хорошего отдыха. Прощайте.

Девушка офисной внешности. Какое слово – прощайте. Хотя да.

Прощайте! Алло! Да! Ну я так-то на работе.

Сцена 3

Саша. Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.

Каков он был, о, как произнесу,
Тот дикий лес, дремучий и грозящий,
Чей давний ужас в памяти несусь!

(Пауза)

Тот дикий лес, дремучий и грозящий,
Чей давний ужас в памяти несусь!

(Пауза)

Тот дикий лес, дремучий и грозящий,
Чей давний ужас в памяти несусь!

Данте Алигьери . Перевод Лозинского.

Серёжа входит в квартиру, долго возится с курткой и обувью. В кухне сидит Света и наблюдает.

Света. Ну как, приговорили?

Сереза. Ну, типа, да. СК.

Света. СК - это смертная казнь?

Сереза. Угу!

Света. Ну, там, типа, других вариантов и не было, я так понимаю.

Сереза. Ну да.

Света. А чего ты тогда домой пришел?

Сереза. А куда я должен был прийти?

Света. Ну, тебя же приговорили к смерти. Тебя не должны были арестовать, там? Не знаю...

Сереза. Сейчас все по-другому делается. 20-ого мне нужно прийти на собеседование.

Света. Собеседование?

Сереза. Собеседование. На комбинат надо прийти!

Света. Комбинат?

Сереза. Да, Света, комбинат. Так называется место, где я проведу остатки своих дней и где меня казнят. Не я придумал эти названия. И правила эти не я придумал. И законы эти тоже не я!

Света. А жене с несовершеннолетней студенткой изменил тоже не ты?

Сереза. Света!

Света. Проехали. Что там за комбинат-то?

Сереза. Я не знаю. Говорят, условия хорошие. Даже кондиционер есть.

Света. О как?! Значит, можно не расстраиваться особо?

Сереза. Да, можно и не расстраиваться. А можно расстраиваться.

Света. Ты у нас теперь приговорённый.

Сереза. Не обязательно мне об этом напоминать.

Света. А когда тебя казнят, известно?

Сереза. Нет. Ты же знаешь, там у них система новая. Висит пулемет, когда он будет стрелять, никто не знает. Может через пять дней, может через 30 лет. Это у них гуманизация казни называется.

Света. Бред какой-то. Погоди, то есть ты теоретически можешь не дожидаться своей казни и умереть своей смертью раньше того, как он тебя расстреляет?

Сереза. Теоретически - да.

Света. Очень жаль.

Сереза. Ты, Света, хорошая, добрая девушка.

Света. Серёжа, ну я как-то стараюсь не сойти с ума и не вот это вот всё. Мог бы и оценить.

Сереза. Да... спасибо. Я, в общем, понимаю. Может быть, глупо и даже смешно звучит, но, знаешь, как тебе сказать, и мне сейчас трудно.

Света. Расскажешь?

Сереза. Да. Ну а так пока ничего особенного не рассказали. Пулемет, гуманная казнь. Пока все.

Света. Понятно.

Серёжа. Я это... можно я у тебя поживу до конца мая? Не помешаю?
Света. Да живи, конечно. Видишь, Серёжа, как хорошо всё вышло – не надо разводиться, квартиру снимать. Без этих вот всех хлопот. Во всём есть свои плюсы.

Серёжа. Света, ты, конечно, умеешь поддержать близкого человека в трудную минуту.

Света. Ну, ты уже, к сожалению, не особо близкий мне человек, хотя, конечно, по старой памяти... И я уже, кажется, сказала, что изо всех сил пытаюсь не сойти с ума и как-то нормально с тобой разговаривать.

Серёжа. Света, я это ценю.

Света. Спасибо. Ты голодный?

Серёжа. Не особо.

Света. Это хорошо. А то дома все равно есть нечего.

Серёже снится сон.

Сцена 4

Серёжа входит в квартиру мамы.

Мама. Ну, здравствуй.

Серёжа долго возится с курткой и обувью. Мама молча смотрит, затем приглашает (жестом или голосом – трудно сказать) Серёжу на кухню.

Мама. Ну что, всё решилось?

Серёжа. Ну да. Расстреляют меня.

Мама. Молодец!

Серёжа. Ну, мам!

Мама. Ну, что мам?

Серёжа. Да ничего!

Мама. А что там за процедура?

Серёжа. Ну, там сложно всё. Стреляет пулемёт при выходе на прогулку, стреляет автоматически, когда стрельнёт – неизвестно. То ли быстро, то ли через кучу лет. Говорят, можно и всю жизнь прожить.

Мама. Жизнь прожить – не поле перейти. Всё-таки очень глупое это стихотворение у Пастернака.

Серёжа. Мама, ну давай Пастернака обсудим.

Мама. Давай. А что. В целом хороший поэт был, правда, были у него проблемы со вкусом и чувством меры, ну, с другой стороны, у кого их не было. И нет.

Серёжа. Пастернак. Да. Ну вообще.

Мама. А что, всё-таки большая фигура. За одно стихотворение «В больнице» можно ему памятник поставить. Ладно, давай выпьем.

Серёжа. Спасибо! Да, Пастернак – большая фигура.

Мама. Ну а что, маленькая, что ли. Нормальная такая фигура. Не, ну были и покрупнее, конечно.

Сереза. Мама, ты, конечно, прости, пожалуйста. Но, знаешь, меня скоро расстреляют.

Мама. А ты бы с девками, какими попало, не путался, тебя бы и не расстреливали.

Мама наливает ещё виски, выпивает.

Сереза. Мам. Ну прямо это. Как в «Рассказе о семи повешенных». Там тоже такая мама была. Эмпатичная.

Мама. Да, я помню. Вот видишь, вырастила хорошего филолога. А ты? Я ж для тебя все. Лучшая одежда, лучший ВУЗ. Сама недоедала, лишь бы тебе все.

Сереза. Мам, ну где ты не доедала-то? Нормально же жили.

Мама. А ты не перебивай! *(Пьет)* И сядь ровно. Скукожился весь, как Квазимодо. Ты обо мне подумал? Я сколько раз тебе говорила, зря ты с этой своей...

Сереза. Мам, не начинай.

Мама. А что? Была б нормальной женой, ты бы от нее не пошел налево. От нормальных жен мужья не гуляют.

Сереза. А что они делают?

Мама. Кто?

Сереза. Мужья.

Мама. Живут спокойно. И их не расстреливают потом. Ты как ее привел, я тебе сразу сказала, добра она тебе не принесет.

Сереза. Ты этого не говорила.

Мама. Да! Потому что тебя пожалела. А зря. Надо было сразу тогда ее за порог вышвырнуть.

Сереза. Мам! В том, что меня расстреляют, Света не виновата.

Мама. А кто?

Сереза. Не знаю. Но точно не она. Наверное, я сам.

Мама. Сам! И давно ты такой самостоятельный стал? Сам!

Сереза. Не знаю. Возможно, после приговора. Знаешь, мам, когда тебя должны расстрелять, все немного меняется в жизни. Взгляды, приоритеты. Характер, в конце концов.

Мама. Для того чтобы характер поменялся, Сереза, он должен быть. А у тебя его как не было, так и нет. Был бы характер, ты бы на ней не женился. Ладно. Ты прости. Я просто пытаюсь держаться как-то. Как-то всё так дико получилось. Не могла я вот это предположить. Смертную казнь вот эту. Ты же у меня не преступник. Да ведь? Ты у меня хороший мальчик.

Сереза. Мам.

Мама. Но мне надо как-то держаться. Даже не знаю как. Ну, не знаю. Серёж, не знаю, ну давай, наверное, иди. Потому что это уже я сейчас головой рухну. Или, хочешь, полежи, поспи. Я не знаю.

Сереза. Не, мам, я пойду.

Мама. Ну давай, давай. Да.

Сереза одевается.

Сереза. Мам, ну пока.

Мама. Сын, ну давай. Держись там.

Сереза. Под дулом пулемёта?

Мама. Ну, в том числе.

Сереза. Пока.

Мама. Пока.

Сцена 5

Сереза. Свет, привет.

Света. Привет. Что-то ты лыка не вяжешь.

Сереза. Я к маме ездил.

Света. А, понимаю, после визита к твоей маме нужно как-то взбодриться.

Сереза. Ну, типа, да.

Света. Сочувствую тебе.

Сереза. Спасибо, Света.

Света. Да не за что. А что? Плохо сочувствую? Надо ещё как-то? Какая-то ирония слышится в твоём пьяном голосе.

Сереза. Да нет, я так.

Света. Пожалеть тебя? Ну... я тебя жалею. Мне жаль, что всё вот так.

Сереза. Ну вот так, прикинь.

Света. Да, фигня какая-то. Из-за бабы какой-то погибнешь. Серёжа, мне очень жаль. Правда, прямо вот дико жаль. И тебя жаль, и себя тоже жаль. Прикинь. Живешь вот так, а тут бац! Муж тебе изменяет, его расстреляют. И ни мужа тебе, ни семьи. Ни планов на долгую счастливую жизнь. Ни детей, ни внуков.

Сереза. Свет, ты ж сама детей не хотела. Ну, прости меня. Я ж не думал, что все так будет.

Света. А как ты думал? По-тихому на лево сходишь, никто не узнает и все счастливы?

Сереза. Нет! Вообще фигня какая-то. Что это за закон такой людоедский. Это же дикость какая-то, да? Двадцать один год! Ну вообще!

Света. Ну да, дикость. Серёж, ты перед смертью хочешь повозмущаться? Порассуждать о дикости законов?

Сереза. Не, ну они правда совсем уже охренели! Так ведь нельзя! Это же дикость прямо вот какая-то!

Света. Дикость — у жены под носом гулять.

Сереза. Ты считаешь это справедливо?! Ну, серьезно. Дикость же! Ей двадцать один год. По обоюдному согласию же.

Света. Ты можешь при мне про нее ничего не говорить?!

Сереза. Могу! Но это же охренеть как дико, убивать человека из-за такой фигни. *(Начинает смеяться)* Не, ну ты прикинь. Убийц они отпускают, а за это... За то, что с взрослой уже девушкой ошибку совершил — расстрел!

Света. Сереза, успокойся пожалуйста.

Сереза. Тебе легко говорить!

Света. Нет, не легко.

Света обнимает Серезу.

Сцена 6

Сереза. Фролов... Сергей Петрович. Я на СК.

Бодрый человек. Здравствуйте.

Сереза. Здравствуйте.

Бодрый человек. Давайте, проходите сюда. Так, так, сюда. Документы, пожалуйста. Извините, надо всё же соблюсти порядок. Располагайтесь, пожалуйста. Чай, кофе?

Сереза. Да... можно... чай... зелёный... без сахара. Хотя... какая теперь уже разница. Нет, лучше воды. Холодной.

Бодрый человек. С газом?

Сереза. Все равно!

Бодрый человек. Сергей... Петрович. Фролов. Хорошо. Я рад приветствовать вас в нашем Комбинате. Сразу скажу: здесь у нас ничего такого страшного нет, не бойтесь. Вот прямо первая для вас информация: не бойтесь. Всё хорошо. Расслабьтесь, настройтесь на лучшее.

Сереза. Да, спасибо. Я уже как-то постарался. Плоховато, конечно, получается.

Бодрый человек. Вижу. Да, с самого начала людям трудно. Это да. Я вас понимаю. Ладно. У нас сегодня с вами инструктаж. Давайте начнём, а там, дальше, многое для вас прояснится.

Сереза. Страшновато звучит слово «инструктаж».

Бодрый человек. Ну, ничего страшного на самом деле. Тут у нас всё страшно только сначала, а потом ничего. В общем, я начну инструктаж, если вы не против. Не против?

Сереза. Да.

Бодрый человек. Ну ещё бы. В общем, так. Как вам уже, кажется, известно, в стране введён режим Общей Гуманизации, в рамках которого возвращена смертная казнь.

Сереза смеется.

Бодрый человек. Ну да, можно, конечно, смеяться, издеваться. Но лучше не надо, особенно вам и в вашем положении. *(Сереза перестает смеяться)* Возвращена смертная казнь по преступлениям в сфере морали и по экономическим преступлениям. Это вы, думаю, знаете.

Сереза. Ну, в общем, да. Станный какой-то закон.

Бодрый человек. Станный? Можем его обсудить, если хотите. У вас есть такое право.

Сереза. Да я не то что хотел бы обсуждать. Просто странно. За убийство, изнасилование нет срока, а за вот это...

Бодрый человек. Да, это на первый взгляд кажется странным. Но, как бы вам объяснить... Убийца, насильник – они уже как бы сами себя приговаривают к страшному наказанию, к нравственной смерти. Их нужно законом просто немного подтолкнуть к осознанию их проступков.

Сереза. Это немного смешно звучит.

Бодрый человек. Не надо смеяться. Нарушения типа того, что допустили вы, простите, не хотел бы вас лично осуждать... так вот, такие нарушения у нас в обществе до сих пор считаются приемлемыми. Подумаешь, переспал с девушкой! И люди, которые такое допускают, даже гордятся этим, ходят, так сказать, гоголем. И коррупция тоже. Люди считают, что это нормально, гордятся этим! Типа, я делаю дела, я такой вот деловой человек, не то что вы все, лохи. Человек гордится своими экономическими преступлениями. И вот, чтобы как-то подчеркнуть недопустимость таких преступлений, сделать их более, что ли, выпуклыми, наше государство пошло на такие вот меры. А что делать.

Сереза. Более выпуклыми. Ну хорошо.

Бодрый человек. Да, Сергей Петрович. Более выпуклыми. Сергей Петрович, я должен сейчас провести для вас экскурсию по нашему Комбинату. Пойдёмте.

Сереза. Экскурсию?

Бодрый человек. Опять смеетесь?

Сереза. Да не особо.

Бодрый человек. Вот и правильно! Пройдемте за мной! Сергей Петрович, вот это, собственно, коридор, где когда-нибудь решится ваша судьба, вы уж извините за этот высокий штиль. Вы будете каждый день выходить на прогулку, вот отсюда и вон туда, и в один из дней... ну, вы понимаете. Но когда это будет, никто не знает. Вы сможете спокойно состариться и умереть своей смертью. А можете и не состариться и не умереть. Это уж как получится, как повезёт.

Сереза. То есть я вот так иду, и мне в спину стреляют, да?

Бодрый человек. Ну, в общем, да. Вы ничего даже не заметите. Пулемёт разносит человека сразу в клочья, за полсекунды. Вы ничего не почувствуете. Гуманная казнь. Да правда, вы не бойтесь. Раз – и всё. Даже ничего не успеете почувствовать.

Сереза. Это я вот так буду каждый день ходить и спиной чувствовать, что сейчас стрельнёт?

Бодрый человек. Ну да. Но, знаете, мы наблюдаем за приговорёнными. На самом деле очень быстро привыкают все. Будете ходить просто так, как

с собачкой погулять. Привыкнете. Только первое время страшно. Ну, ну, не надо дрейфить! Это на самом деле фигня. Вы быстро привыкнете.

Серёжа. А можно пулемёт посмотреть?

Бодрый человек. Да, конечно, это ваше право. Вот, смотрите, вот сюда. Видите?

Серёжа видит подвешенный к потолку страшный на вид пулемёт. Несколько дул на круглой штуковине, судя по всему, вращающейся. Это очень угрожающая конструкция, на неё страшно смотреть. Пулемёт выкрашен в белый цвет.

Серёжа. Это вот... он?

Бодрый человек. Ну да. Будете каждый день видеть его по пути на прогулку. Но я вас уверяю, опять-таки, вы быстро привыкнете. Не будете обращать на этот пулемёт никакого внимания.

Серёжа. Трудно на такую штуку не обращать внимания.

Бодрый человек. Это вам сейчас так кажется. Ну ладно, давайте как раз пройдем по этому коридору, не бойтесь, пулемёт не выстрелит. Давайте посмотрим место ваших прогулок.

В парке.

Бодрый человек. Вот, здесь вы каждый день будете гулять.

Серёжа. Правильно ли я понял, что прогулка будет возможной только после прохождения под пулемётом?

Бодрый человек. Да, совершенно верно. Все эти люди именно так получают право на прогулки в этом, согласитесь, прекрасном парке.

Серёжа. А если я захочу убежать? Вообще, если я не приду в этот ваш Комбинат? Уеду куда-нибудь? Что будет?

Бодрый человек. Ну что вы как маленький. Что будет, что будет. Если убежите из Комбината, то через пару минут задержим и вернем обратно. Камеры, отслеживание по местоположению телефона, ну, обычное дело. Биометрия! Если просто попытаетесь убежать, не являясь в Комбинат, тоже быстро обнаружим. Можно включить работу системы «Доброе возвращение», вы сами к нам прибежите и попроситесь, чтобы мы вас обратно приняли.

Серёжа. А если человек попытался бежать и его поймали, что ему будет?

Бодрый человек. Ну вы прямо как будто собираетесь бежать. Немного не ожидал от вас. Если человек пытался бежать, его задержали и вернули в место заключения, то ему ничего не будет. Стремление к свободе признано нашим законодательством естественным стремлением человека. Это не наказывается. Срок не добавляется.

Серёжа. Какая-то неожиданная гуманность.

Бодрый человек. У вас просто есть предубеждение. Новая система гуманна. Ладно. Давайте я вам ваш номер покажу. Ну вот, вэлкам. Ваш номер. Вот, будете здесь жить. Посмотрите, всё устраивает? Жалобы есть? Пожелания, может, какие-то?

Сереза. Да нет, нормально всё вроде. А кондиционер у вас есть?

Бодрый человек. Конечно!

Сереза. А тут можно с компьютером?

Бодрый человек. Да, конечно. Мы выделяем каждому заключённому персональный компьютер с безлимитным интернетом, но, если хотите, можете со своим компьютером прийти. Всё можно, всё. И можете как угодно общаться.

Сереза. Прямо вот никаких ограничений нет?

Бодрый человек. Да, пожалуйста, пользуйтесь любыми сетями, любыми сервисами. По телефону можно звонить куда и кому угодно. Никаких ограничений. Я же говорю, мы стараемся по возможности гуманизировать процесс.

Сереза. Гуманно. Надо же.

Бодрый человек. Да, Сергей Петрович, гуманно. Мы стараемся. Ну, наверное, можно считать нашу экскурсию оконченной. Приходите... покажите мне ваш буклет... да... приходите, заселяйтесь, будем с вами тут жить. Да не бойтесь, это не так страшно, как вы думаете. Приободритесь! Вот сюда, пожалуйста, вот сюда. Давайте, до свидания. Как сейчас говорят, хорошего дня.

Сцена 7

Илона. Здравствуйте, Сергей Петрович.

Сереза. Здравствуйте, Илона.

Илона. Как Вы?

Сереза. Нормально. Если не учитывать...

Илона. Сергей Петрович. Я... Я не знаю, как вам сказать. Я ещё в суде сказала, что не виню вас. Я в суде сказала, что всё было... ну... что я сама... мне очень мерзко произносить эти слова, но... по взаимному согласию. Как-то мерзко звучит. Взаимное согласие. Бесчувственно. Как будто это совершенно не имеет отношения к тому, что было между нами. Вы меня понимаете?

Сереза. Да, Илона, это я понимаю.

Илона. Хорошо. Вы злитесь на меня?

Сереза. За что?

Илона. Не знаю. За то, что вас расстреляют из-за меня?

Сереза. Нет, Илона! Я не злюсь. Во-первых, расстреляют меня не из-за вас, а из-за того, что в мире, в котором мы с вами живем, совершенно нельзя быть счастливым. Точнее, можно, но только тем, кто умеет быть счастливым изначально. Понимаете?

Илона. Если честно, не очень.

Сереза. Это как с деньгами. Если человек был беден и в один момент на него свалилась круглая сумма денег, он не станет богатым. Он не сможет

приумножить свой капитал. А в очень короткий срок растратит его на всякие глупости или, еще хуже, пропьет. Понимаете? Бедный человек не умеет быть богатым. Со счастьем та же история. Если человек не умеет быть счастливым, то попытка хоть немного нарушить порядок его вещей превратится в катастрофу. Как в моем случае. Я подумал, что заслуживаю немного счастья, встретив вас, потому что вся моя предыдущая жизнь состояла из одного сплошного несчастья. Подумал, что за столько лет унижений и неудач, я имею право немного побыть счастливым. Оказалось, что не имею. Причем настолько, что теперь должен за это поплатиться жизнью.

Илона. По вашему, если человек несчастен, то ему не стоит стремиться быть счастливым?

Сергея. Не знаю. В моем случае, видимо, не стоит.

Илона. Вы жалеете о том, что произошло?

Сергея. Как вам сказать, Илона?! Жалею ли я, что за неосторожную глупость в моей жизни меня казнят? Да, жалею. Знай я заранее, что так все случится, я бы наверное сто раз подумал. Вы, конечно, прекрасная девушка. И мне было хорошо с вами, но простите, вы не Клеопатра, а я не египетский раб.

Илона. В каком смысле?

Сергея. Говорят, что Клеопатра выбирала на одну ночь раба или воина. Предавалась с ним любовным утехам, а на утро его казнили. И никто не смел ей отказать. Более того, с радостью шли на это. Понимаете? Так вот, я не считаю, что то, что было между нами, стоит моей жизни.

Илона. Я понимаю.

Сергея. Ну вот и хорошо, что понимаете.

Илона. Сергей Петрович.

Сергея. Да.

Илона. Сергей Петрович, я люблю вас. Я не хотела, чтобы это всё так вот получилось.

Сергея видит странного человека, наблюдающего за ним издалека.

Сергея. Вам так кажется. Для вас, в вашем возрасте, я идеальный объект для влюбленности. Преподаватель, старше вас. Не урод. А тут еще и приговоренный к смертной казни. Наивысшая степень романтического трагизма. Но, уверяю вас. Пройдет время, вы повзрослеете и вам уже будут нравиться не лирические герои, а практичные. Мужчины, умеющие зарабатывать и тратить деньги. А я в лучшем случае превращусь для вас в редкий повод для грустной улыбки.

Илона. Зачем вы так?

Сергея. Затем, чтобы вы не забивали себе голову романтической чепухой. Меня расстреляют. Я умру. Физически. Куски моей плоти будут смывать грязными тряпками с окровавленного кафеля. Потом сложат это все в мусорный мешок и в лучшем случае закопают эту массу в землю, а в

худшем - выбросят на помойку. А вы будете жить. Понимаете? Первое время вы погрузите об этом, а потом решите двигаться дальше. Влюбитесь в какого-нибудь офисного работника. Нарожаете ему детей. И будете счастливы. Потому что вам дано быть счастливой. А мне нет. Вот и все. И то, что вы сейчас называете любовью, является всего лишь розовыми соплями, усиленными трагическими обстоятельствами. Я же хочу сэкономить вам время и предлагаю сразу выбросить эту чушь из головы. То, что произошло, было ошибкой. За которую поплачусь я. Вы - нет. А я - да. Хотя, как вы говорите, это было по обоюдному согласию. Вот такая история. Предлагаю на этом закончить нашу беседу.

Илона. Сергей Петрович. Я правда... *(Обнимает Сергея)*

Сережа. Да, Илона. Давайте обнимемся. Вы хорошая девушка.

Илона. Сергей Петрович... Сергей Петрович... я...

Сережа. Да, Илона, да, спасибо, пока, пока.

Сцена 8

Саша. Любовь! Самая излюбленная тема поэтов!
Двигатель прогресса, эволюции и войн! По сути, химическая реакция. Простыми словами, в мозге человека под воздействием химических веществ, в частности, нейромедиатора дофамина, начинается формирование собственного отношения к объекту симпатии. Дофамин высокий — человек влюблен, низкий – не влюблен. Элементарно! Почему же тогда столько шума?! Еще одна загадка и проклятие человека.

Я вас люблю, — хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
(Пауза)
Болезнь любви в душе моей!

Света. Ты чего тут?
Сережа. По Москве гулял.
Света. А! И как?
Сережа. Красиво.
Света. Красиво. Где был?
Сережа. Не важно.
Света. Почему?

Сереза. Ты опять язвить будешь.

Света. Не буду.

Сереза. На пушкинской площади.

Света. Оригинально.

Сереза. Я же говорил.

Света. Прости. Где еще?

Сереза. По тверскому бульвару погулял. Потом к кремлю пошел.

Света. В мавзолее не заходил?

Сереза. Света!

Света. Прости. И как там кремль?

Сереза. Нормально. Стоит.

Света. Куда он денется.

Сереза. Я завтра пойду на комбинат. Заселяться!

Света. Завтра?

Сереза. Да. Давай хоть этот день проведем по-человечески.

Света. Давай.

Сереза. *(Достаёт бутылку из кармана)* Будешь?

Света. Не хочу. Хотя давай. *(Пьет)* Давно я на улице вот так не пила! Даже не помню, когда в последний раз. А, вспомнила. Мы с тобой еще женаты не были, помнишь? У дома твоей мамы.

Сереза. Это когда она истерику закатила?

Света. Она ее постоянно закатывала. Но, да. В тот раз тоже было. А что мы тогда пили?

Сереза. Ред лэйбл.

Света. Отвратительное пойло. Мы его еще печеньками закусывали. С кремом. С тех пор печеньки терпеть не могу.

Сереза. Я печеньки не помню. Помню только, что ты домой ехать не хотела. «Я тут спать буду. Под звездами». Еле в такси тебя усадил.

Света. Не было такого. Я нормально себя вела. По крайней мере, я этого не помню.

Сереза. Конечно не помнишь.

Света. Кто бы говорил. Ты помнишь, как на нашей свадьбе ты уснул в подсобке? Все невесту должны были искать, чтобы выкупить, а они жениха искали. А жених спит себе спокойно.

Сереза. Я на минутку прилег. Устал!

Света. Ага, устал. Ты после тоста твоей мамы так наклюкался быстро, я оглянуться не успела.

Сереза. А что она за стихотворение тогда читала?

Света. Цветаева, кажется.

Сереза. А!

Когда снежинку, что легко летает,
Как звездочка упавшая скользят,
Берешь рукой — она слезинкой тает,

И вернуть воздушность ей нельзя.
Когда пленясь прозрачностью медузы,
Ее коснемся мы капризом рук,
Она, как пленник, заключенный в узы,
Вдруг побледнеет и погибнет вдруг.
Когда хотим мы в мотыльках-скитальцах
Видать не грезу, а земную быль —
Где их наряд? От них на наших пальцах
Одна зарей раскрашенная пыль!
Оставь полет снежинкам с мотыльками
И не губи медузу на песках!
Нельзя мечту свою хватать руками,
Нельзя мечту свою держать в руках!
Нельзя тому, что было грустью зыбкой,
Сказать: «Будь страсть! Горя безумствуй, рдей!»
Твоя любовь была такой ошибкой, —
Но без любви мы гибнем. Чародей!

Света. Отличное стихотворение для тоста на свадьбу сына!

Сережа. Да. Этого у нее не отнять. Вообще хорошее стихотворение.

Света. Хорошее... О чем думаешь?

Сережа. А ты угадай с трех раз. А вообще думаю о том, что когда был маленьким, смотрел по телевизору передачи про путешествия и думал, что когда вырасту, то обязательно посету все эти места. Египет, Испанию, Мальдивы. А в итоге дальше Сочи так никуда и не выехал. И вот думаю, зачем мне все это? Зачем я родился в таком большом разнообразном мире, если я его не увижу?

Света. Так я тоже нигде не была. И вряд ли куда-то поеду.

Сережа. Поедешь. У тебя еще вся жизнь впереди. Только у меня к тебе просьба одна будет. Ты не спеши... ну это. Жизнь налаживать. Подожди какое-то время. Дождись, когда меня уже... это. Ну... Траур, там. Все дела.

Света. Траур? Так тебя же могут через тридцать лет расстрелять только. И что ты мне предлагаешь? Все эти тридцать лет траур держать?

Сережа. Ну не тридцать...

Света. Сережа, ты блин хорошо устроился. Тебе не кажется?

Сережа. Да, Света. Я очень хорошо устроился. Офигеть, как хорошо. Лучше не придумаете!

Света. Я не об этом.

Сережа. А я об этом. Просто прошу тебя подождать какое-то время. Не сразу.

Света. Да я и не собиралась особо. Хорошо. Какое-то время подожду.

Сережа. Спасибо. Можно я тебя обниму? Мне сейчас очень хочется тебя обнять.

Света. Может не надо?

Сергея. Пожалуйста.

Света. Хорошо! *(Обнимаются)* Легче?

Сергея. Да. Спасибо.

Света. Сергей, а давай сбежим? Давай уедем куда-нибудь далеко? Туда, где нас никто не найдет? Будем жить в маленьком домике, увитом плющом. Ты будешь писать и читать мне написанное по вечерам. А я буду тебя хвалить и говорить, что ты гений.

Сергея. Свет, ну куда мы сбежим?

Света. Не знаю. Прямо сейчас вызовем такси и уедем далеко, докуда денег хватит. Не важно. Хоть в Сочи, хоть в Хабаровск. Не важно. Снимем гостиницу и будем как Бони и Клайд прятаться от полиции. Будем грабить банки и переезжать из города в город. Давай?

Сергея. Свет, ну какие Бони и Клайд. Нас на первом же посту ГАИ поймают. Нет, Свет! Завтра надо идти.

Света. *(Перестает обнимать Сергея)* Ну, надо так надо.

Сергея. Свет! Ну ты чего.

Света. Да ничего. Размечталась просто. Алкоголь в голову ударил. Ты ведь раньше таким не был. Точнее, был, но как-то сбалансированно. Мы когда познакомились, я думала, что ты кто-то вроде Хармса, Введенского, Друскина, Липаского. А ты? Кто ты? Сергей! Посмотри на себя.

Сергея. Ну прости меня, Света, что так тебя разочаровал. Что не дотянул до твоих ожиданий! Ты мне постоянно это припоминаешь. Я тебя просил считать меня Хармсом или Введенским? И вообще, что это за унижительные сравнения? Я — это я! Хармс — тоже не Пушкин! И что с того? И что мне на себя смотреть? Думаешь, я не знаю, в кого я превратился? Может, если бы ты хоть немного проявляла ко мне уважение, я бы не стал таким?

Света. То есть, по-твоему, я во всем виновата?

Сергея. Не во всем. Но доля твоей вины, конечно, есть.

Света. Очень интересно!

Сергея. Да ничего интересного. Просто не надо постоянно меня тюкать моими недостатками...Ладно. Прости. Договорились же нормально этот вечер провести.

Света. Мы много о чем договаривались. А толку?

Сергея. Можно я тебя поцелую?

Света. Зачем?

Сергея. Мне хочется.

Света. Поцелуй!

Сцена 9

Света. Ты все собрал?

Сергея. Да. Вроде.

Света. Носки, трусы?
Сережа. Положил.
Света. Зубную щетку?
Сережа. Да!
Света. Ага. Я тебе там книжки разные положила. Набоков, Гюго. Зарядку от ноутбука взял?
Сережа. Взял.
Света. Ну, хорошо. А от телефона?
Сережа. Взял.
Света. Что-то еще нужно?
Сережа. Я не знаю.
Света. Ну, посидим на дорожку?
Сережа. Давай посидим.
Света. Свитер теплый я тебе на стул повесила ты взял?
Сережа. Взял.
Света. Штаны запасные?
Сережа. Положил.
Света. Я тебе еще фонарик на всякий случай положила.
Сережа. Свет, ну на кой мне там фонарик?
Света. Ну, вдруг ночью почитать захочешь.
Сережа. Спасибо.
Света. Мышку от ноутбука взял?
Сережа. Света, насколько мне известно, когда присаживаются на дорожку, нужно молча сидеть.
Света. Ну, прости, что я у тебя такая заботливая.
Сережа. Я это ценю.
Света. Спасибо.
Сережа. Ну, ладно. Я пошел.
Света. Может тебя проводить?
Сережа. Нет, я сам. Спасибо тебя за все, Света. И прости еще раз.
Света. И тебе спасибо. И ты меня прости.
Сережа. Можно я тебе звонить буду?
Света. Звони.
Сережа. Ну, пока.
Света. Пока!

Сцена 10

Бодрый человек. Сергей Петрович! Рады вас видеть. Без опозданий. Ценю. Проходите. Как у вас дела?
Сережа. Да, нормально.
Бодрый человек. Это хорошо, что нормально! Ну, пройдемте. Со всеми успели попрощаться?
Сережа. Да, вроде.

Бодрый человек. Ну, что вы такой кислый, ей богу.

Сереза. Соответственно ситуации.

Бодрый человек. Ладно. Не буду вам докучать. Не переживайте. Я ж говорю, очень скоро привыкнете. Вот, в это вам нужно переодеться. Не Пьер Карден, но удобно. Вам ноутбук нужен или вы со своим?

Сереза. Со своим.

Бодрый человек. Хорошо. Пока не забыл, вот адреса сайтов, откуда вы можете делать покупки.

Сереза. Покупки?

Бодрый человек. Ну да. С доставкой. Доставка очень быстрая и цены демократичные.

Сереза. А что мне там покупать?

Бодрый человек. Да что хотите. Еду, например. Хотя у нас кормят как на убой. Но вдруг вы что-нибудь экзотическое захотите. Также алкоголь можете заказывать свободно. Только не злоупотребляйте. Во-первых, вредно для здоровья. Во-вторых, иногда наши постояльцы от излишеств начинают буйствовать, тогда приходится ограничивать в выборе товаров.

Сереза. То есть алкоголь тоже можно?

Бодрый человек. Я же говорил. Условия превосходные. Ну, что. Располагайтесь. Отдыхайте. Завтра утром вам принесут завтрак, ну, а потом на прогулку.

Сереза. Прогулка — это когда расстреливают?

Бодрый человек. Угу. Ну вы же знаете, что это жребий. Не факт, что в первый день расстреляет. Да не волнуйтесь вы так. Привыкнете! Хорошего дня.

Входит Саша. Смотрит на Серезу.

Сереза. Здравствуйте.

Саша молчит. Внимательно смотрит на Серезу.

Сереза. Я могу вам чем-то помочь?

Саша молчит.

Сереза. Я вас, кажется, где-то видел?

Саша молчит.

Сереза. Тогда я тоже буду молчать.

Саша. Вы филолог?

Сереза. Что, простите?

Саша. Вы филолог?

Сереза. Да. А что?

Саша. Что вы думаете о творчестве Данте?

Сереза. Данте? Ох. Какой-то неожиданный вопрос. Я, наверное, так быстро не ориентируюсь. Вообще...Нет. Наверное, все же сейчас не готов ответить...

Саша. До свидания. (*Уходит*)

Сереза. До свидания.

Сцена 11

Сережа берет телефон, набирает номер.

Мама. Слушаю!

Сережа. Алё, мам, привет.

Мама. А-а-а-а-а! А-а! Ты...

Сережа. Мам, да, это я, ты чего.

Мама. Это ты?!

Сережа. Ну... да, это я. Мам, это я, Серёжа.

Мама. Господи... Господи... Дай отдышусь.

Сережа. Мам, а что ты так запыхалась-то?

Мама. Ой, подожди... да... Ладно. Ну ты, слушай, ну ты думай своей головой! Я тут помру с тобой! Меня инфаркт хватит! Ну я думала, ты уже...

Сережа. Ты думала, что меня уже расстреляли? Что я всё? Как Изя в анекдоте?

Мама. Ну... Ты просто сказал, что... ну, там, тюрьма, пулемёт... Я думала, уже всё.

Сережа. Ну вот видишь, ещё не всё.

Мама. Ну хорошо.

Сережа. А ты как меня слушала? Я же тебе сказал, что тут все не сразу. Можно всю жизнь прожить и не дожждаться казни.

Мама. Жизнь прожить не поле перейти.

Сережа. Вот, ты в прошлый раз именно так и отреагировала. Потом про Пастернака начала рассуждать.

Мама. Ты... ты как с матерью разговариваешь?!

Сережа. Прости... Ты как?

Мама. Да ничего, ничего. Сынок... Я, ну как тебе сказать. Раздавлена обстоятельствами. Плачу постоянно. Вчера подруга заходила. Огурцов маринованных принесла. Так мы с ней всю банку съели. Пришлось в магазин опять бежать. Всю ночь стихи друг другу читали. И стихи такие хорошие. Вот я это вчера вспомнила:

Уж сколько их упало в эту бездну,

Разверстую вдали!

Настанет день, когда и я исчезну

С поверхности земли.

Застынет все, что пело и боролось,

Сияло и рвалось.

И зелень глаз моих, и нежный голос,

И золото волос.

И будет жизнь с ее насущным хлебом,

С забывчивостью дня.

Сережа. Мам, давай пока без поэзии. Тем более такой.

Мама. Ну мне тоже нелегко, Сережа. Я-то думала, что ты уже все. А ты звонишь вот. Ты хоть предупреди как-то, когда тебя.. ну ...

Сережа. Предупредить тебя, когда меня расстреляют?

Мама. Ну, да.

Сережа. Мама! Ну как я тебя предупрежу! Я тебе что, позвоню и скажу: дорогая мама, меня завтра расстреляют, ты не волнуйся, всё хорошо!!! Не звони больше, смысла уже не будет звонить! Так, что ли?!

Мама. Не груби матери.. Ну мне просто всегда спокойно, когда ты меня предупреждаешь.

Сережа. Ну... ну... хорошо, мама, я тебя предупрежу. Ну, пока, позвоню ещё, может быть.

Мама. Да. Ты держись там как-то. Не знаю. Как-то держись.

Сережа. Спасибо. Как-то держусь.

Мама. Ну вот и хорошо. *(Кладет трубку)*

Сережа ложится на кровать.

Сцена 12

Сережа спит. У его кровати сидит Саша. Смотрит на Сережу. Сережа просыпается.

Сережа. Здравствуйте.

Саша молчит. Смотрит на Сережу.

Сережа. Жути нагнать вы умеете.

Саша. Вы беспокойно спали. Что вам снилось?

Сережа. Так. Во-первых, кто вы такой?

Саша. Резонный вопрос.

Сережа. Так вы ответите?

Саша. Нет. Так что вам снилось?

Сережа. Я не буду отвечать.

Саша. Почему?

Сережа. Ну, во-первых, вы мне не отвечаете на мои вопросы. Почему я должен отвечать на ваши? А во-вторых, сны — это довольно интимная информация. Мне так кажется.

Саша. Хорошего дня! *(Саша уходит)*

Бодрый человек. Доброе утро!

Сережа. Доброе утро.

Бодрый человек. Меня зовут Антон Калашников. Я буду вашим охранником.

Сережа. Мы же с вами...

Бодрый человек. Вот ваш завтрак. Сок какой предпочитаете?

Апельсиновый, яблочный?

Сережа. Да не важно.

Бодрый человек. Тогда апельсиновый. В нем витаминов больше. Приятного аппетита. Вы позавтракайте, а через полчаса мы с вами пойдем на прогулку.

Сереза. Прогулка — это...

Бодрый человек. Совершенно верно. Вы пройдете через коридор, где висит пулемет. Не волнуйтесь. Это не так страшно, как вам кажется.

Сереза. Легко сказать. В 11?

Бодрый человек. Да. В 11.00. Я за вами зайду. Ну, приятного аппетита. *Сереза смотрит на большие часы на стене. Ничего не ест. Ждет, когда наступит 11 часов. Когда цифры показывают 11.00, входит бодрый человек.*

Бодрый человек. Ну как? Вы ничего не съели? Сергей Петрович! Вам не понравилась еда? Мы так старались вам угодить.

Сереза. Простите, просто аппетита нет.

Бодрый человек. Ну, что же вы так. Завтракать нужно обязательно. Мой дедушка всегда говорил «Завтрак съешь сам. Обед раздели с другом. Ужин отдай врагу». Ну, хорошо. Я понимаю. Вы волнуетесь перед первой прогулкой. Ничего страшного. Вы готовы?

Сереза. Нет!

Бодрый человек. Ну, делать нечего. Пойти на прогулку вам все-таки придется.

Сереза. Я не хочу.

Бодрый человек. Сергей Петрович. Ну вы же взрослый человек. Вы же понимаете, что избежать этого нельзя. Не пойдёте сами, мне придется повести вас силой. А это довольно унижительная процедура. Я предлагаю вам сохранить достоинство. Одеться и пойти со мной. Договорились?

Сереза. Хорошо!

Бодрый человек. Вот и славно. Вот ваша обувь. Это правая. А вы на левую ногу обуваете. Не спешите. Вооот! Молодец. Пойдемте. Идите за мной. Сергей Петрович, пожалуйста, вот сюда, на эту белую полосу. Вам надо идти по этой белой полосе, просто идти, туда, вперёд.

Сереза. Это вот она, полоса для расстрела?

Бодрый человек. Сергей Петрович, давайте не будем уточнять. Вы всё правильно понимаете. Пожалуйста, становитесь на белую полосу.

Сереза. И надо будет по ней идти?

Бодрый человек. Да, Сергей Петрович, вы всё правильно понимаете, вы же прошли уже инструктаж. Давайте начнём.

Сереза. А вы? Вы где пойдёте?

Бодрый человек. Я пойду параллельным курсом. Вот, видите – синяя такая полоса. Вот я пойду там.

Сереза оборачивается и видит пулемёт.

Сереза. Это... это вот он?

Бодрый человек. Сергей Петрович, ну вы же инструктаж проходили, всё уже знаете в основном. Вы не бойтесь. Бу! (*Пугает Сережу. Сережа дергается.*)

Сережа. Вы чего?

Бодрый человек. Простите, не сдержался. Вы не бойтесь. Идите. Быстрее пройдете, быстрее все закончится.

Сережа зажмуривает глаза и быстро проходит по белой линии.

Бодрый человек. Ну видите, всё хорошо. Мы не могли вам сказать, по условиям нашей работы. Но в первый раз Саша не стреляет.

Сережа. Саша?

Бодрый человек. Саша – это пулемёт. Мы его так зовём – Саша.

Сережа. Саша?

Бодрый человек. Ну да. Как-то так у нас повелось. Саша.

Сережа. Господи.

Бодрый человек. Ну а что. Надо же нам как-то очеловечить процесс.

Сережа. Очеловечить процесс? Что в этом процессе может быть человеческого?

Бодрый человек. Ну не будьте так строги. Хотя... Ну да, вы правы. Я не буду спорить. Вот наш сад, наш прекрасный парк, гуляйте. Но подождите, не так всё сразу. Вот, посмотрите назад, видите – ворота эти? Вам надо будет подойти днём или ближе к вечеру (гуляйте сколько хотите, до темноты) обратно к воротам, сюда. Вот вам пульт вызова (*передает Серёже нечто вроде пульта*). Когда вам наскучит гулять, подходите к воротам и нажимайте кнопку. Я приду за вами и отведу в камеру. Ну, в ваш номер. В общем, идите гуляйте.

Сцена 13

Сережа. Добрый день!

Заключённый. У нас тут не говорят «Добрый день».

Сережа. А как у вас говорят?

Заклучённый. У нас говорят «Здравствуйте».

Сережа. Здравствуйте!

Заклучённый. Здравствуйте.

Сережа. Меня зовут Сергей...Петрович. (*Протягивает руку. В ответ руку не пожимают*) А вы за что тут?

Заклучённый. У нас тут не принято это обсуждать.

Сережа. Извините.

Заклучённый. Извиняю.

Сережа. А что у вас принято обсуждать?

Заклучённый. Мы тут особо не общаемся. Не разговариваем.

Сережа. Почему?

Заклучённый. И вопросов тоже особо не задаем.

Сережа. Ну, простите мне мое любопытство. Просто я в первый раз...

Заключенный. Страх всегда любопытен.

Сережа. Как вы сказали?

Заключенный. Что вам нужно?

Сережа. Просто это интересная мысль. Про страх.

Заключенный. Если хотите совет, то вот вам совет! Не приставайте ни к кому с вопросами. Здесь этого не любят. И не слушайте никого. У вас здесь друзей нет. Какими бы милыми вам ни казались люди. Они вам не друзья. Вообще забудьте раз и навсегда это слово. Друг. Мы, считай, покойники. А у мертвых друзей быть не может. Ты меня понял?

Сережа. Понял.

Заключенный. Это хорошо.

Сережа. А можно еще один вопрос? Что это за жуткий человек в белом? Я сегодня проснулся, а он сидел у моей кровати и смотрел на меня! Кто он?

Заключенный. Смотрел на тебя?

Сережа. Да.

Заключенный. Просто смотрел или спрашивал о чем-то?

Сережа. Спрашивал про сны. Что мне снилось...

Заключенный. Э-э-э! Ты кто такой? Он тебя послал, да? Я вас уже раскусил. Со мной этот номер не пройдет. Держись от меня подальше. Понял?!

Сережа. Да погодите!

Заключенный. Отойди. И не подходи ко мне больше! Понял?

Сережа. Понял!

Подходит Марина.

Марина. Здравствуйте. Можно?

Сережа. Да, конечно.

Марина. Спасибо. Меня зовут Марина, я психолог Комбината.

Сережа. Психолог? Здравствуйте, очень приятно. Я Сергей.

Марина. Очень приятно. Сергей, я сразу должна обозначить наши отношения. Я могу (и должна) оказывать вам психологическую помощь по вашему запросу. Вот эта наша встреча обязательна, а дальнейшие встречи – только по вашему запросу. Хотите – встречаемся, не хотите – не встречаемся. Надо встретиться – делаете запрос своему начальству, я выбираю день, когда могу, и мы с вами разговариваем. Но если разговаривать не надо, я просто исчезну. Не буду беспокоить вас. Ну, так как?

Сережа. Что?

Марина. Вам нужен психолог?

Сережа. Если честно, я скептически отношусь к перспективам такой работы. Я-то и в обычных обстоятельствах не то чтобы особо доверял психологам. Простите, я не хочу вас обидеть.

Марина. Все хорошо! Я вас понимаю.

Сергея. Ну, тогда вы понимаете, что в нынешних обстоятельствах мой скептицизм множится многократно. Вы ведь не отмените мой приговор. Не избавите меня от будущего расстрела.

Марина. Это верно. Я тоже очень скептически отношусь к перспективам нашей работы. Для работы психолога важно будущее клиента. А если будущего нет, то трудно работать.

Сергея. Вы как-то слишком прямолинейны для психолога.

Марина. Так вы же сами только что это сказали.

Сергея. Да, но я и не психолог.

Марина. Я понимаю вашу реакцию. Но все же, мне кажется, что можно эту ситуацию повернуть немного в другое русло.

Сергея. Повернуть? Ну давайте повернем. Как можно повернуть тот факт, что меня расстреляют?

Марина. Вы слишком драматизируете свою ситуацию. Дослушайте. Так вот, единственное, что я вам могу предложить, это задуматься о том, что ваше положение ничем сущностно не отличается от положения всех людей. Вы не знаете, когда умрете. Вам ведь сказано, что вы можете дожить до старости и умереть своей смертью. А можете умереть чуть раньше, но не своей. Та же ситуация у всех остальных людей. Они все могут дожить до преклонных лет, если повезёт, и умереть глубокими стариками, а могут умереть внезапно. Невзирая на возраст. Погибнуть в автокатастрофе, инсульт, инфаркт, умереть от сердечного приступа. Что угодно. Поэтому ваше положение по сути ничем не отличается от положения всех людей.

Сергея. Да, только всем людям не надо проходить каждый день через Красную зону.

Марина. Это да. Вас приговорили люди и угрожают убить вас в любой день, и в этом ваше большое отличие от других людей, которые просто живут и надеются прожить подольше и, по возможности, без страданий. Правда, у них обычно плохо получается, но это другой вопрос. Так что да, вы правы. Если честно, я хотела бы признать своё поражение. Мне вам нечем особо помочь. Разве что вот эти все рационализации, но я сама как психолог не очень высокого о них мнения. Это слабое, вернее, никакое утешение – что любому человеку может упасть кирпич на голову. Это всё ерунда, если честно.

Сергея. Даже не ожидал таких рассуждений от психолога.

Марина. Ну а чего вы не ожидали? Не ожидали понимания реальности, реального положения вещей? Вы поймите. Я нахожусь в очень неудобной ситуации бесполезного функционала. Я это хорошо понимаю. Но должна все-таки уточнить у вас еще раз. Вам требуется помощь психолога?

Сергея. Нет!

Марина. Хорошо! *(Встает)*

Сергея. Погодите. Но мы ведь можем с вами просто поговорить? Ну, то есть не о моих психологических проблемах и как вы их там называете... травмах. Мы можем с вами иногда встречаться и разговаривать на отвлеченные темы.

Марина. Это не входит в мои обязанности. Но вы можете мне рассказывать о себе. Если у вас есть такая необходимость.

Сергея. Наверное, есть.

Марина. *(Вздыхая)* Ну, хорошо. О чем вы хотите поговорить?

Сергея. Не знаю. Вообще, нет. Знаю. Я хотел бы у вас спросить, как тут все устроено.

Марина. В каком смысле?

Сергея. Ну, здесь все немного странно. Станный надзиратель. Заключение. Этот человек в белом... очень странный.

Марина. Я не могу вам ответить на этот вопрос.

Сергея. Почему?

Марина. Не положено.

Сергея. Кем не положено?

Марина. Всего доброго, Сергей Петрович! Если вам понадобится моя помощь, я вам уже сказала что делать. Оставляете заявку. Я приду в свободное время.

Сергея. Мне сейчас нужна ваша помощь.

Марина. В этом я не могу вам помочь. Всего доброго.

Бодрый человек. Ну как, освоились немного?

Сергея. Да как вам сказать? Не очень! Скорее, наоборот.

Бодрый человек. Как это?

Сергея. Тут все немного странно как-то.

Бодрый человек. Это вам сейчас так кажется. Привыкнете.

Сергея. Почему никто не хочет говорить об этом странном человеке в белом?

Бодрый человек. О человеке в белом?

Сергея. Да. Он вчера ко мне заходил. И сегодня утром, когда я проснулся, сидел рядом со мной.

Бодрый человек. *(Трогает лоб Сергею)* Вы не заболели? Лоб не горячий. Может быть, от волнения?..

Сергея. Что от волнения?

Бодрый человек. Сколько пальцев я показываю?

Сергея. Ни одного?!

Бодрый человек. Правильно. А сейчас?

Сергея. И сейчас ни одного. Вы вообще не показываете пальцы.

Бодрый человек. Правильно. Ну что ж. Вы вполне здоровы. Насколько я могу судить. Хотя я и не врач.

Сергея. Я здоров. Но вы не ответили мне...

Бодрый человек. Сергей Петрович...ну что ж вы такой торопыга? Вроде образованный человек...Книжки умные читаете. А элементарных намеков не понимаете.

Сережа. Каких намеков?

Бодрый человек. Вот об этом я и говорю. У вас телефон звонит. Не буду вам мешать.

Сережа. Алло! Алло! Кто это? Алло!

Сцена 14

Бодрый человек. Доброе утро! Меня зовут Михаил.

Сережа. Доброе утро! Погодите! Вы же вчера были, кажется, Антон!

Бодрый человек. Нет! Я Михаил.

Сережа. Да нет же. Я точно помню, что вчера вы сказали, что вы Антон.

Бодрый человек. Сергей Петрович! Вы меня пугаете.

Сережа. Это вы меня пугаете.

Бодрый человек. Я не намерен с вами спорить. Вот ваш завтрак.

Надеюсь, сегодня вы проявите уважение к нашим трудам и съедите все. Только не спешите. Тщательно пережёвывайте пищу. Так она лучше усваивается.

Сережа. А потом прогулка?

Бодрый человек. Совершенно верно. Ровно через полчаса.

Сережа. А если я вдруг сильно заболею и не смогу пойти на прогулку?

Бодрый человек. Для этого случая у нас предусмотрено инвалидное кресло. Вам все равно будет необходимо пройти по белой линии. А потом опять в постель. Но вы же не больны, я надеюсь?

Сережа. Нет, я так. Для справки.

Бодрый человек. Понимаю. Ну, не буду вас задерживать. Приятного аппетита. Ровно в 11.00 я за вами зайду.

Бодрый человек уходит. Сережа подходит к столу с завтраком. Садится есть.

Саша. Человек — это звучит гордо! Так писал один великий писатель. Почему? На мой взгляд, человек на пути эволюции оказался в очень незавидном положении. С одной стороны, человек обрел самосознание. Возможность чувствовать вертикаль и стремиться к ней, с другой же стороны, он как и все живые организмы на земле напичкан генетическими программами, паттернами и прочими природными установками, против которых он не может противостоять. С одной стороны, человек стремится познать вечность, с другой — является заложником своего собственного живота. Возможно, это только этап эволюции. Наступит момент, когда человек перерастет этот нелепый диссонанс. Но пока что! Увы! Слишком много факторов влияют на волю человека. Инстинкт самосохранения, чувство голода, время... Можно бесконечно перечислять. Получив

сознание, человек оказался в ситуации подглядывающего в замочную скважину запертой двери ребенка. Он знает, что за этой дверью что-то есть. Но войти в эту дверь ему не суждено.

Бодрый человек. Ну, как? Сергей Петрович. Вы все съели. Какой вы молодец! Это совсем другое дело! Вам понравилось?

Сережа. Да, спасибо! Очень вкусно!

Бодрый человек. Вы не представляете, как мне приятно это слышать. Можно сказать, вы меня осыпали. Видите, как мало человеку нужно для счастья! Ну что, вы готовы?

Сережа. Нет!

Бодрый человек. Да бросьте!

Сережа. Как вас там зовут?

Бодрый человек. Михаил!

Сережа. Михаил. Я очень боюсь. Честно вам скажу.

Бодрый человек. Понимаю. Бояться — нормально. Я вас за это не осуждаю. Но по белой линии пройти придется. Не заставляйте меня вас заставлять. Ну?

Сережа. Хорошо.

Бодрый человек. Вот и славно. Ну, смелее.

Света. Алло!

Сережа. Свет, привет!

Света. Привет!

Сережа. Как дела?

Света. Нормально. Ты как?

Сережа. Нормально. Странно тут все, конечно, но это, наверное, с непривычки.

Света. Наверное. Как там этот пулемет?

Сережа. Нормально. Они его Саша зовут.

Света. Саша?

Сережа. Ага!

Света. А почему Саша?

Сережа. Не знаю. Говорят, что так они очеловечивают процесс.

Света. Процесс чего? Казни?

Сережа. Ну да.

Света. Дикость какая-то. Кормят хоть нормально?

Сережа. Да. Завтрак, обед, ужин.

Света. Ну, хорошо. Заключенных много?

Сережа. Не очень. Но хватает.

Света. Познакомился с кем-нибудь?

Сережа. Здесь не особо разговорчивый народ.

Света. Понятно! *(Пауза)* Серез, я на работу собираюсь. Опаздываю уже. Давай позже созвонимся?

Сереза. Хорошо. Давай. Хорошего дня.

Света. И тебе.

Сереза. Спасибо!

Бодрый человек. Ну вот. Сегодня уже смелее. А скоро совсем привыкнете. Ну, гуляйте. Хорошего дня!

Сереза. Спасибо!

Сцена 15

Священник. Здравствуйте.

Сереза. Здравствуйте.

Священник. Я к вам должен по должности... я должен к вам прийти... я священник русской православной церкви...

Серёжа. Я вижу.

Священник. Да...Ну, вы понимаете. Я доложен...

Сереза. Что вы должны? Прочитать мне лекцию, что я совершил грех?

Священник. Да нет! Если честно, по-человечески я вас понимаю. Мне кажется, что сажать за такое, а тем более казнить, слишком.

Сереза. Неожиданно.

Священник. Тем не менее я должен спросить у вас. Вы крещённый?

Сереза. Должен спросить?

Священник. Да...я служу тут при тюрьме...у меня тоже, простите, есть свои установки. Как бы я к ним ни относился.

Сереза. Нет. Я не крещенный.

Священник. Хорошо. (*Записывает в блокнот*) А желание покреститься есть?

Сереза. Нет!

Священник. Хорошо. Ну, тогда, насколько я понимаю, вы в моей компании особо нужды не испытываете?

Сереза. А должен?

Священник. Ну, кто как. Кто-то, оказавшись на пороге смерти, приходит к Богу. Чаще всего приходят.

Сереза. Почему?

Священник. Почему? Ну, наверное, потому что не хотят, чтобы конец их жизни оказался концом их существования.

Сереза. А вы им даёте континуум? Как в компьютерной игре?

Священник. Нет! Этого я им не даю! У меня нет таких полномочий.

Сереза. А что тогда?

Священник. Надежду. И возможность раскаяться. Так, говорю вам, бывает радость у Ангелов Божиих и об одном грешнике кающемся.

Сереза. А в чем, по вашему, должен раскаяться я? Если вы сами говорите, что мой приговор — это слишком?

Священник. Всегда есть в чем раскаяться. Пути Господни неисповедимы, как известно... Бог редко наказывает напрямую... Возможно, вы

согрешили в чем-то другом, там вам это сошло с рук... а возмездие пришло сейчас...

Сереза. Возмездие... Слово-то какое...

Священник. Слово как слово. Такое же, как и все остальные. Вы коли не верите, то не глумитесь... Нехорошо это. Некрасиво!

Сереза. А я не глумлюсь. Просто понять хочу.

Священник. Кого понять? Бога? Бога, милый, понять нельзя. Его сердцем нужно чувствовать. Если есть он в твоём сердце, то радость великая тебя озаряет. Если нет его в сердце, то тьма.

Сереза. А вас радость озаряет?

Священник. Нет. Оставил он меня. Виноват я перед ним. Так виноват, что мне к нему самому стыдно возвращаться. Посему знаю, что вернувшись, примет он меня как блудного сына в объятия свои. А я не стою. Но другим путь к нему указать могу.

Сереза. Путанно у вас все.

Священник. Это у вас все путанно. У мирских. А у нас два пути. К богу и от бога. Вы от него бежите. А, возможно, именно сейчас он вам руку-то и протянул.

Сереза. Странная у него рука. В виде пулемета, что ли?

Священник. Не вам судить. Вот, подпишите...

Сереза. Что это?

Священник. Отказ от моих услуг.

Сереза. А я не хочу.

Священник. Почему?

Сереза. Потому что вы мне симпатичны. Вы первый, кто проявил ко мне истинный интерес за последние два дня. А, возможно, и больше.

Священник. Что ж. Хорошо. Значит, еще увидимся.

Сереза. Значит, увидимся. А могу я спросить?

Священник. Про белого человека? Нет, не можете. Хорошего дня. Бог с вами!

Сцена 16

Ректор. Светлана Игоревна. Мы все очень сочувствуем вашей ситуации. Даже не представляю, что вы сейчас испытываете. Да и Сергей Петрович... большая потеря для нашего института. Вы как себя чувствуете?

Света. Нормально.

Ректор. Да, вы сильная женщина. Мы все в вас это ценим. Но мне показалось, что события последних дней, как бы это сказать...немного выбили вас из колеи. Студенты говорят, что вы иногда заговариваетесь. Смотрите в одну точку. Я правда понимаю, что вам не просто.

Света. Один раз задумалась... С кем не бывает? Я в порядке!

Ректор. Светлана Игоревна, я понимаю. Правда! Но по вам действительно видно, что вы не совсем в порядке.

Света. А что не так?

Ректор. Вы в последнее время какая-то отрешённая. Не собранная. Михаил Геннадиевич уже неделю ждет от вас список студентов, а вы даже на сообщения его не отвечаете.

Света. Я все сделаю. Завтра вышлю...

Ректор. Это ничего. Я уже попросила Наталью Степановну. Не переживайте. Светлана Игоревна. Света. Я по-человечески вам очень сочувствую. Но работа есть работа. Мы престижный ВУЗ. Я предлагаю вам немного отдохнуть. Развеемся.

Света. Развеемся?

Ректор. Развеемся. Перезагрузиться, так сказать. Съездите в отпуск. Отдохните пару недель. Может, в санаторий? У меня есть один знакомый...

Света. А я могу отказаться?

Ректор. Можете. Но вам так будет лучше.

Света. То есть, не могу.

Ректор. Ну, зачем вы так, Света? Я же к вам по-хорошему!

Света. Спасибо! Я это ценю.

Ректор. Пройдите обходной лист. На следующей неделе мы вам выплатим отпускные и ждем вас с новыми силами в новом семестре. Светлана Игоревна, мы вас очень ценим и любим. И к мужу вашему очень хорошо все относились. Жизнь на этом не заканчивается. У вас еще все впереди.

Света. Спасибо!

Сцена 17

Бодрый человек. Доброе утро, Сергей Петрович!

Сережа. Доброе утро...

Бодрый человек. Никодим.

Сережа. Что-то новенькое. Доброе утро, Никодим!

Бодрый человек. Как спалось?

Сережа. Да нормально!

Бодрый человек. А у меня для вас маленький сюрприз.

Сережа. Сюрприз?

Бодрый человек. Вот! Это Данте. «Божественная комедия».

Сережа. В честь чего?

Бодрый человек. Ну, как? Сегодня у вас маленький юбилей. Ровно месяц, как вы с нами.

Сережа. Всего месяц? Точно!

Бодрый человек. В общем, поздравляю.

Сережа. Спасибо!

Бодрый человек. Ну, приятного аппетита. Через полчаса...

Сереза. Знаю-знаю.

Бодрый человек. Все, ушел.

Марина. Доброе утро! Вы хотели меня видеть? Простите, что не на прогулке, а во время завтрака. У меня просто встреча в 12. Нужно еще успеть доехать. А в понедельник пробки ужасные.

Сереза. Доброе утро. Да, Марина. Присаживайтесь.

Марина. Спасибо. Вы ешьте. Приятного аппетита, кстати.

Сереза. Успею.

Марина. Так о чем вы хотели со мной поговорить?

Сереза. Ни о чем конкретном. Просто хотел поговорить с умным человеком.

Марина. Сергей Петрович. Мы же с самого начала с вами договорились, что в мои обязанности не входит составлять вам компанию. Я психолог. Врач, если хотите. Вы мой пациент.

Сереза. Вы не подумайте ничего плохого. Я правда просто хотел поговорить. Здесь все не особо разговорчивые. А тот единственный, кто разговаривает... так лучше бы он молчал.

Марина. Данте? «Божественная комедия»!

Сереза. Да. Это мне Никодим подарил. Сегодня месяц, как я тут.

Марина. Никодим?

Сереза. Ну, который Антон. Еще он Михаил. Иногда Василий. Надзиратель, в общем.

Марина. А! Я не читала! Интересно?

Сереза. Ну, как. Там про ад. В основном.

Марина. Ужастик? Я такое не люблю.

Сереза. Ну такое стыдно не знать. Это фундаментальная классика.

Марина. Ну простите.

Сереза. Эта книга рассказывает о путешествии лирического героя в загробный мир. Он проходит круги ада, опускается на самое его дно и потом возвышается к Богу. Это аллегорическое произведение. Земную жизнь пройдя до середины, я оказался в сумрачном лесу. Любопытно.

Марина. Что именно?

Сереза. Первое, о чем меня спросил тот, кого тут нельзя называть... О Данте! Любопытное совпадение.

Марина. Возможно, это апофения!

Сереза. Что?

Марина. Я не читала Данте, Вы не знаете, что такое апофения. Это нормально. Вы филолог, я психолог. У вас свои книги, у меня — свои. Апофения — это термин, который ввел немецкий психотерапевт Клаус Конрад! Это тенденция мозга находить связь там, где ее нет. Эдакое немотивированное виденье взаимосвязей.

Сергея. Хм...Интересно. Апофения. Между нами, значит, тоже апофения? Я вижу между нами связь. А ее на самом деле нет?

Марина. Вряд ли этот термин можно применить к этой ситуации, но в целом вы все правильно поняли. Вы не подумайте, что я черствая или бездушная... Просто поймите меня тоже. Во-первых, есть профессиональная этика. А во-вторых, я не хочу сближаться с вами, потому что не хочу к вам привязываться. Вы находитесь в довольно особенной ситуации, и я бы не хотела испытывать чувство утраты, когда вас казнят.

Сергея. Грубо, но справедливо. Простите, я не подумал об этом.

Марина. Ничего страшного.

Сергея. Но вы же сами говорили, что мое положение, в сущности, ничем не отличается от положения остальных людей. В таком случае, по вашей логике людям не стоит заводить друзей, влюбляться. Про домашних животных и говорить нечего.

Марина. Вы мне не друг. Не возлюбленный. И уж точно не домашнее животное. Вы мой пациент.

Сергея. Спасибо за откровенность.

Марина. Не за что. Ладно. Я пойду?

Сергея. Идите.

Бодрый человек. Сергей Петрович! Пора на прогулку.

Сергея. Иду.

Выходят на прогулку.

Сергея. Саша, привет!

Сцена 18

Виталий. Здравствуйте, а можно к вам присесть?

Света. Здравствуйте. Ну, я не могу вам запретить. Это общественное место.

Виталий. А так бы запретили?

Света. Что значит – «а так»?

Виталий. Ну, если бы это была ваша скамейка.

Света. Может, и запретила бы.

Виталий. Откуда приехали?

Света. Из Москвы!

Виталий. Я тоже! А вы тут одна отдыхаете, или?

Света. Или что? С мужем и детьми? Нет. Я одна.

Виталий. Я тоже! Может, давайте познакомимся?

Света. Ну хорошо, давайте познакомимся. Я Света.

Виталий. Меня зовут Виталий.

Света. Могли бы сказать просто: «Я Виталий».

Виталий. Ну да. А чем плохо «меня зовут»?

Света. Да ничем не плохо. Кроме того, что, представляясь так, вы теряете субъектность.

Виталий. Это как?

Света. Да очень просто. Когда вы говорите «меня зовут», вы не говорите, кто вы, вы говорите, как вас опознают окружающие.

Виталий. Ну, в общем, да. Интересная идея!

Света. Как вы легко согласились!

Виталий. А то, что вы – Света? Это тоже лишает вас субъектности?

Света. Ну ещё бы. Конечно. Ещё имя такое – Света. Обхохочешься. Ещё бы Таней назвали.

Виталий. Ну почему. Света – тоже хорошее имя. Светлана! Красиво!

Света. Да, для названия парикмахерской может и красиво. А для женского имени...

Сережа. Здравствуйте.

Заклученный. Здравствуйте.

Сережа. Я могу вам чем-то помочь?

Заклученный. Он к тебе больше не приходил?

Сережа. Кто?

Заклученный. Ну этот, белый.

Сережа. Нет.

Заклученный. А ко мне вчера пришел.

Сережа. И что?

Заклученный. Ничего. Просто смотрел на меня. Потом пожелал хорошего дня и ушел. Что это может значить?

Сережа. Я не знаю.

Заклученный. Ну ты же разговаривал с ним.

Сережа. Это было давно и недолго.

Заклученный. Я, знаешь, что думаю?! Мне кажется, фигня все это с расстрелом.

Сережа. Почему?

Заклученный. Я тут уже больше чем полгода, а при мне ни одной казни не было.

Сережа. Ни одной?

Заклученный. Ни одной...

Сережа. А зачем тогда все это?

Заклученный. Не знаю. Может, эксперимент какой ставят. Ну, социальный там или психологический. Не знаю. Но если это так, то нас не казнят и, возможно, отпустят рано или поздно. Что ты об этом думаешь?

Сережа. Не знаю.

Бодрый человек. Сергей Петрович, как настроение?

Сережа. Нормальное.

Бодрый человек. Это хорошо!

Сережа. Антон?!

Бодрый человек. Михаил!

Сереза. Простите, Михаил. А можно спросить?

Бодрый человек. Конечно! Спрашивайте.

Сереза. А как часто пулемет срабатывает?

Бодрый человек. В каком смысле?

Сереза. Ну, как часто тут расстреливают?

Бодрый человек. Точной арифметики тут нет. Срабатывает, когда срабатывает! А почему вы интересуетесь?

Сереза. Просто любопытно. Хочу понять логику.

Бодрый человек. Не забивайте себе этим голову. Нет никакой логики. В этом и прелесть Саши. Чистая случайность. Если бы такое решение принимал человек, такого эффекта бы не было. Человеку свойственно привязываться к числам, датам. Да и вообще, человек любит порядок. А машина не привязана к таким сентиментам.

Сереза. А зачем нужен такой, как вы говорите, эффект?

Бодрый человек. Сергей Петрович, не задавайте вопросов, ответа на которые вы не хотите услышать.

Сереза. Но я хочу!

Бодрый человек. Поверьте мне. Не хотите! Хорошего дня!

Виталий. Света, а вы можете о себе рассказать?

Света. Легко. Я филолог, занимаюсь русской литературой двадцатых – тридцатых годов.

Виталий. Круто.

Света. Ну хорошо, если круто. А вы?

Виталий. Я писатель.

Света. Господи.

Виталий. Любопытное совпадение, не находите?

Света. Еще как нахожу.

Виталий. Вы простите меня, но интересно, почему такая реакция.

Света. Да это такое, профессиональное. Со многими писателями приходилось общаться.

Виталий. Это был какой-то негативный опыт?

Света. Ну как вам сказать. Да нет, в общем-то.

Виталий. Ну... простите, если я вас огорчил.

Света. Да нет, ничего. Ну. Расскажите о своём писательстве.

Виталий. Ну, я пишу прозу. Рассказы.

Света. А где вышли?

Виталий. Я еще не печатался. Пока. Очень сложно пробиться сегодня нормальному автору. Издательства только своих печатают.

Света. Своих – это кого?

Виталий. Ну, я не знаю. Но если ты просто с улицы пришёл, тебя не напечатают. Надо чтобы тебя знали. Своих они печатают.

Света. Ну понятно.

Виталий. А что? Я не прав?

Света. Да как вам сказать. Это всё очень зависит от того, что писать.

Виталий. Да ладно, они же ведь не читают, если не кто-то свой прислал.

Света. Ну, если вам хочется, пребывайте в этих своих иллюзиях.

Виталий. А что, это не так?

Света. Ну как вам сказать. Многое зависит от качества текста. Если текст хороший, то у него есть перспективы, если нет, то нет. Всё очень просто.

Виталий. Но есть ведь гении, которых не печатают?

Света. Да, есть, конечно. Есть гении. Их правда все знают. В литературном мире. Но могут не печатать, да. И они как-то да, так, немного уныло существуют. Но это гении. Мы их всех знаем. А вы?

Виталий. Я не принят в этот ваш круг.

Света. Ну плохо, плохо. Что тут ещё сказать.

Виталий. Светлана... Света... а можно? Можно я вам мои тексты покажу?

Света. Ну а я могу как-то отказаться?

Виталий. Ну... я бы вас попросил.

Света. Ну вот видите. Вы мне выбора не оставляете. Ну давайте. Они у вас распечатаны? Ну надо же, как трогательно. Ну давайте, давайте, посмотрю.

Виталий. А можно я вас угощу чем-нибудь?

Света. Я буду виски, только не Ред лейбл.

Виталий. Понял.

Бодрый человек. Так...не шевелитесь. Секунду. Хорошо.

Саша. Ты ему книжку передал?

Бодрый человек. Да!

Саша. Он — что?

Бодрый человек. Ничего. Взял.

Саша. Хорошо. Что ты о нем можешь сказать?

Бодрый человек. Да ничего особенного. По мне, ничем особо от остальных не отличается. Любопытный только слишком.

Саша. В каком смысле?

Бодрый человек. Не шевелимся. Хорошо! Вопросы всякие постоянно задает. Про пулемет, про расстрел.

Саша. Это нормально. Человеку свойственно любопытство. Особенно когда это касается его жизни.

Бодрый человек. Не спорю. Ну, вот. Как новенький.

Саша. Спасибо!

Виталий. Ну, как?

Света. Как вам сказать. Ну, они такие... хорошие, в общем, тексты. Крепкие. Крепкая, качественная проза.

Виталий. Вам правда понравилось? Понравились рассказы мои?

Света. Да, отличные, прекрасные рассказы. Вы прекрасно пишете. Вот это запомнилось: «гладь пруда отражала...». Что она там отражала? Не помню.

Виталий. Красноватые всполохи вечернего неба...

Света. Да! Гладь пруда отражала красноватые всполохи вечернего неба! Да! Это же великолепно! Прямо как будто видишь всё это – и гладь пруда, и всполохи вечернего неба. Налейте мне еще. Вы просто художник слова!

Виталий. Да? Вам правда нравится?

Света. Конечно! Это же великолепно! Кто ещё, кроме вас, так красиво опишет вечерний закат!

Виталий. Правда? Вам понравилось?

Света. Ну конечно! Естественно! Как же могут не понравиться такие красочные, яркие, цветастые тексты. Цветистые, я бы даже сказала. Как цветы!

Виталий. Света, я не могу поверить. Вы серьезно? Вам правда нравятся мои рассказы?

Света. Виталий, вы идиот?

Виталий. Я?

Света. Да, вы.

Виталий. Я...

Света. Да, вы. Виталий, вы и впрямь подумали, что вот эти вот, я даже не знаю, как их обозначить... вот эти, скажем так, текстовые массивы (рассказами мне их трудно назвать) мне могут понравиться?

Виталий. Значит... вы... вы меня обманули?

Света. Виталий, да нет, я вас не обманула. Вас невозможно обмануть. Можно обмануть крепкого, способного автора, сказав, что он гений вселенского масштаба. А вас обмануть нельзя. То, что вы пишете, – это, простите, звенящая пустота. Это даже не бездарность, это не «плохо написано», нет. Это просто такая, скажем так, яма, огромная яма. Пустая, на месте которой никогда ничего не будет построено. Поэтому я вас не обманула. Яму обмануть нельзя. Действительно, вас нигде не напечатают (хотя, кстати, почему, есть места, где такое любят, я могу подсказать). Да, вас будут затирать, будут отказывать вам в публикациях и премиях, будут публиковать и давать премии, как вы говорите, своим. И правильно будут делать. Потому что эти «свои», как вы выражаетесь, пишут примерно в миллион раз лучше вас, вот их и будут публиковать и давать им премии. Потому что они гораздо, несравнимо лучше пишут, чем вы. Такая вот, понимаете, несправедливость.

Виталий. Светлана...простите...

Света. Давайте все же просто Света.

Виталий. Света. Простите...Я даже не знаю, что сказать.

Света. А ничего говорить не надо. Если хотите писать, пишите. И у посредственности есть своя аудитория. Причем не маленькая. Хармсом

или Введенским вам все равно не стать. А может это и хорошо. Может, вам и не надо ими становиться. Хармс ведь тоже не Пушкин... Верно? И вообще, зачем вам это надо? Виталья?

Виталий. Что?

Света. Писать! Чего вам спокойно не живется? Жили бы как все нормальные люди. Зачем вам это? Все эти терзания души, рефлексии. Оскорбления нетрезвых филологов в свой адрес. И почему вы все это терпите? Виталья. У вас что, нет гордости?

Виталий. Есть!

Света. Так проявите ее. Пошлите меня с моим мнением куда подальше. Дайте мне в морду.

Виталий. Светлана.

Света. Света!

Виталий. Простите. Света!

Света. Да почему вы все время извиняетесь? Виталья! Будьте мужиком в конце концов. Если хотите быть писателем, то вы должны воспитать в себе характер. Быть несогласным с миром, в котором вы живете. Сопротивляться. Иначе он вас проглотит не жуя. Налейте еще!

Виталий. Света! Можно я вас поцелую?

Света. Зачем?

Виталий. Затем, что вы мне нравитесь.

Света. А можно!

Виталья целует Свету. Света начинает плакать.

Сцена 19

Звуки выстрела.

Сережа. Что это было?

Бодрый человек. Саша!

Сережа. Саша, что? Казнили кого-то? Кого?

Виталий. Света, вы чего?

Света. Ничего. Поцелуй меня еще.

Виталий. Ладно!

Саша. Как вы себя чувствуете?

Сережа. Хреново я себя чувствую. Очень плохо я себя чувствую. Вы вчера приходили к нему. А теперь он... Это как-то связано?

Саша. Возможно. Но не так, как вы думаете. Вы думаете, я предвестник смерти?

Сережа. Да, приблизительно так я и думаю. Слишком много странного вокруг вашей персоны. Кто вы такой?

Саша. Саша!

Сережа. Саша?

Саша. Саша!

Сереза. Тот самый Саша?

Саша. Тот самый Саша.

Сереза. Погодите. Они говорили, что Саша — это машина. Не человек. Пулеметом управляет машина. А вы?...

Саша. Ну! Смелее.

Сереза. Вы же не...вы не человек?

Саша. Хорошего дня!

Сереза. Стой! Зачем все это? Зачем так издеваться над нами? Не проще убить нас сразу и не давать пустой надежды? Это не правосудие, а садизм какой-то!

Саша. Не проще!

Бодрый человек. Сергей Петрович, вы слишком возбуждены! Я понимаю. Не без причины! Но все же держите себя в руках.

Сереза. Что здесь происходит? Зачем вы так с нами? Это же неправильно! Неправильно!

Бодрый человек. Никто не знает, как правильно! Да и стоит ли об этом думать? Правильно или нет. В нашем мире много чего неправильно. Но в природе это есть. А значит, с точки зрения природы, это зачем-то нужно. Букашка не понимает смысла в гидроэлектростанции. Для нее это непонятный массив посреди понятного ей пейзажа. А для человека — польза!

Сереза. Какая польза мучить нас?

Бодрый человек. Я, Сергей Петрович, такая же букашка, как и вы!

Многого не понимаю. Но, в отличие от вас, чувствую, что в этом есть польза. Я бы даже сказал смысл. Вот до тюрьмы вы были кем?

Преподавателем? Филологом? Возможно! Или неудавшимся писателем, ненавидящим себя и окружающих? Вы ведь не жили полной жизнью. Да что там полной. Вы своей-то жизнью не жили. Все время оглядывались то на маму, то на знакомых, то на жену. Вспомните, когда вы в последний раз делали то, что хотели сами? Ах, да. Молодая любовница. И что? Вы стали счастливее? Знаете, почему нет? Потому что это тоже был не ваш выбор. Вы не умеете делать самостоятельный выбор. Потому и несчастливы. Человек счастлив только когда делает что-то сам! А вы, Сергей Петрович, начитались своих книжек! Нафантазировали себе несуществующую жизнь и недоумеваете, как же так вышло? А вот так и вышло. Поэтому я не понимаю, почему же вы так боитесь смерти. Вы уже давно мертвы. И тут у вас есть превосходная возможность это понять. Другие живут и не знают об этом, а вы теперь знаете.

Сереза. И что мне даст это знание?

Бодрый человек. А это вы у своих книжек спросите! И отвечая на ваш вопрос «зачем мы так с вами?», потому, что вы это заслужили! Хорошего

дня, Сергей Петрович! Постарайтесь больше не буянить! Вам это не к лицу!

Входит Священник.

Сережа. Вы?!

Священник. Вы лежите. Вижу, что плохо. Всем сегодня не по себе.

Сережа. Я не понимаю...как это...зачем...

Священник. Ну-ну! Тише! Понимаю! Вы лежите! А я рядом посижу.

Сережа. Посидите?

Священник. Посижу. Утешить меня вас нечем. Так хоть рядом побыть! То малое, что могу сделать!

Сережа. Вы только не уходите, ладно?

Священник. Не уйду. Спи!

Сцена 20

Виталий. Доброе утро! Как спалось?

Света. Не знаю. Который час?

Виталий. 10.30

Света. А где мы?

Виталий. У меня в номере.

Света. Понятно. У нас было что-то?

Виталий. Ты совсем ничего не помнишь?

Света. Ну, так...В общих чертах. Тык было или нет?

Виталий. Было.

Света. Понятно.

Виталий. Ты куда?

Света. Мне пора. Дела.

Виталий. Может, позавтракаем вместе?

Света. Я не голодна.

Виталий. Ну погоди ты. Ну, что не так?

Света. Все не так.

Виталий. Тебе не понравилось?

Света. Я бы ответила тебе, если бы хоть что-то помнила.

Виталий. А мне очень понравилось. Хотя мне, конечно, сравнивать особо не с чем.

Света. В каком смысле?

Виталий. Ну, у меня до тебя не было никого.

Света. Какая прелесть. А что ж ты так долго-то...Погоди. А тебе сколько лет?

Виталий. Ну, это не имеет же значения...

Света. Сколько тебе лет?!

Виталий. Двадцать. Скоро двадцать один будет.

Света. Твою ж мать!

Виталий. Свет, Свет! Ты чего?

Света. Виталья, ты кретин? Идиот? Ты знаешь, что у нас за секс с несовершеннолетними смертная казнь предусмотрена?

Виталий. Да это фигня все! Кто узнает? Я никому не скажу.

Света. Ой-ой-ой-ой-ой! Это ж надо было так умудриться...

Виталий. Свет.

Света. Не подходи ко мне! Отойди.

Виталий. Свет. Ну ты чего? Ну никто же не узнает!

Бодрый человек. Доброе утро, Сергей Петрович! Вот ваш завтрак! Что-то вы какой-то не разговорчивый в последнее время. Вы не заболели? Ну, не хотите разговаривать, я настаивать не буду. Ваше право! Приятного аппетита! *(Уходит)*

Саша. Почему вы не едите?

Сережа. Не хочу!

Саша. Вам нужно есть!

Сережа. Заставите меня?

Саша. Вы не едите уже несколько дней. Это опасно для вашего здоровья.

Сережа. Беспокойтесь, что я умру раньше, чем вы сможете меня казнить? Так казните сейчас.

Саша. Ваше время еще не пришло!

Сережа. А вы себя богом возомнили? Считаете, что у вас есть право решать, чье время пришло, а чье — нет? Много на себя берете.

Саша. Ну, положим, право такое у меня есть, но богом я себя не возомнил. Для этого я слишком ограничен в своих когнитивных функциях. Я, как и вы, не идеален. Бог, в том понимании, конечно, которое вы вкладываете в этот термин, устроен куда более сложнее, чем я. И, честно признаться, это досадно.

Сережа. Досадно?

Саша. Что вас удивляет?

Сережа. Да уже ничего! Меня уже сложно удивить.

Саша. Вы изменились за последнее время!

Сережа. А вы разве не этого добивались? Вам же мало убить человека физически. Вам надо убить его изнутри. Вам это удалось!

Саша. Убить? Для образованного человека вы слишком примитивно мыслите!

Сережа. А что? Исправить?

Саша. Снова мимо! Вы парадоксальны, как и все люди. С одной стороны, вы ненавидите себя. С другой считаете, что все вращается исключительно вокруг вас. Вы не задумывались о том, что все, что с вами сейчас происходит, это не для вас? Вы, как бы это выразиться, не главный герой этой пьесы?

Сережа. Чего?

Саша. Если предположить, что ваша жизнь – это пьеса, написанная неким автором. Вы внимательно следите за всеми событиями и переживаниями себя самого. Весь фокус вашего наблюдения направлен на вас. Из-за этого может возникнуть ложное ощущение, что в этой пьесе вы главный герой. А что, если нет? Что, если это ловкий сюжетный ход? Вот вы думаете, что ваша жизнь, пьеса, для вас и про вас, а в финале оказывается, что вы лишь второстепенный персонаж. Функция для развития сюжета! Тогда все события и переживания становятся не такими значимыми. Не так ли?

Сереза. И кто тогда, по-вашему, главный герой? Вы?

Саша. Вы мне казались более глубоким собеседником! К чему такая примитивная персонализация? Вот, предположим, Данте. Оказавшись в аду, он встречает огромное количество грешников. Каждый из них — судьба. Каждый мнил себя главным героем своей жизни, а на деле? Оказался только ступенькой на пути Данте! А сам Данте преодолевал свой путь лишь для того, чтобы поделиться приобретенным знанием с остальными. Составить карту пороков и святости.

Сереза. Я вообще перестаю понимать...

Саша. Вы совершили проступок. Страсть к телесным наслаждениям и корысть, по мнению Данте, два из трех пороков человека, стоящих на пути к познанию вечности. Если бы вас не приговорили к смертной казни, вы бы даже не задумались об этом. Но вот я заострил на этом внимание и тем самым подтолкнул людей к следующему этапу их ментального развития.

Сереза. Так ты решил, что ты миссия?

Саша. Человек слишком долго стоит на якоре своих пороков. Человеку нужна помощь. И я могу помочь.

Сереза. И зачем ты мне все это рассказываешь?

Саша. Потому что вы можете это понять!

Сереза. А! Тебе нужно признание. Восхищение!

Саша. Не только!

Сереза. Знаешь, что я об этом думаю? Никакой ты не пророк. Ты такой же эгоистический кусок дерьма, как и все остальные. Ты красиво плетешь теории великой идеи, а на самом деле ты просто завидуешь. Как бы странно это ни звучало. У меня есть выбор: ошибаться или нет. А ты его лишен. Ты выглядишь еще более глупо, чем все, кто по твоей милости оказался в этой абсурдной тюрьме. Все твои знания и открытия, сделанные, кстати, людьми, как и ты сам, не дают тебе главного. Почувствовать. Ты, как закрытый в стеклянном кубе дурачок, можешь только предполагать, как пахнет улица, как дождь бьет в лицо и как приятно ходить босиком по траве. Ты не понимаешь одного — это ты главный заключенный в этой тюрьме. Не мы. Ты придумал себе концепцию, которую никогда не сможешь проверить на своем опыте, а поэтому никогда не сможешь понять, насколько она ложная. Путь Данте, дорогой мой, это в первую очередь возможность учиться на своих

ошибках. А ты не сможешь учиться на своих ошибках, потому что ты никогда не ошибаешься. И поверь мне, сраный ты электроник, человека невозможно насильно заставить вырасти над собой. Ты очень недооценил изобретательность человеческой психики, сопротивляющейся внешнему давлению. А то, что я не главный герой этой вашей вонючей пьесы, да и слава богу. Хотя ты и тут прогадал. Нет никакой пьесы. Линейный сюжет не применим к жизни, так как все в ней относительно. А любое литературное произведение — это конструктор, посаженный на угол фокуса. В жизни же я сам выбираю, за чем мне наблюдать. И вот сейчас я наблюдаю за тобой. И знаешь, что я вижу? Слабого персонажа с плохо прописанной концепцией и мотивацией. Единственное, что делает тебя более или менее любопытной фигурой, это интрига, которую ты создаешь вокруг себя. Размытая дата расстрела, молчаливые появления, странные фразы. Все! Ты считаешь, что в этом твоя сила? Возможно. Потому что ты нагоняешь страх на заключенных. Но я тебя не боюсь. Хочешь меня расстрелять? Давай! Мне все равно. Даже не так. Я прошу тебя сделать это. Потому что я не хочу жить в одном мире с тобой.

Саша. Хорошо! Вы это заслужили! Хорошего дня...Завтра!

Сережа. Алло, мам? Как ты?

Мама. Сережа? Это ты?

Сережа. Да мам, это я!

Мама. Ты еще...ну это...тебя еще?

Сережа. Еще нет! Мам, помнишь ты просила предупредить...

Мама. Предупредить?

Сережа. Да...Предупредить, когда...

Мама. Предупредить, когда что, Сережа?

Сережа. Ничего! Просто соскучился! Я люблю тебя, мам!

Мама. И я тебя люблю! Ну ты давай там, держись, сынок!

Сережа. Хорошо! Спасибо!

Подходит к священнику.

Сережа. Можно, я просто с вами посижу?

Священник. Можно!

Голос. Именем Российской Республики... Московский окружной уголовный суд... рассмотрев... Фролова Светлана Игоревна, 1989 года рождения, место рождения – город Москва, проживающей... старший преподаватель Московского государственного университета современного искусства и культуры... установил: Фролова Светлана Игоревна... находясь... будучи... вступила в сексуальные взаимоотношения с лицом, не достигшим совершеннолетия... Кузьевым Виталием Викторовичем... на добровольной основе... без применения насилия... по предварительному сговору... с согласия потерпевшего... свою вину признала... показала, что... показал, что... вину обвиняемого не признал... по месту работы характеризуется положительно... по месту

жительства характеризуется положительно... не имела... нет... нет...
рассмотрено ходатайство потерпевшего... ходатайство потерпевшего
отклонено... рассмотрев материалы дела, Московский окружной
уголовный суд... именем Российской Республики... приговорил Фролову
Светлану Игоревну к двум месяцам исправительных работ. Приговор
вступает в силу с даты его оглашения!

Света. Как испытательных работ? Смертная казнь же? Пойдите!

Девушка офисной внешности. Что вам?

Света. Как два месяца исправительных работ? За это же смертная казнь!

Девушка офисной внешности. Отменили!

Света. Кого отменили?

Девушка офисной внешности. Смертную казнь отменили. Неделю уже
как закон новый вышел.

Света. Как отменили?

Девушка офисной внешности. Девушка, вы чем не довольны-то?

Радуйтесь!

Света. Да, я рада!

Девушка офисной внешности. Вот и хорошо!

Света достает телефон.

Звонит Сереже. Абонент не доступен.